

Трибуна молодого журналиста

№3(41)

апрель

2003

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

ПРОСТРАНСТВО МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В том, что журналистика сегодня — один из краеугольных камней общественной жизни, никого убеждать не надо. Она везде, в том числе и на передовой, нередко, увы, в прямом смысле слова. Но журналистика музыкальная, как и любая другая специальная — спортивная, художественная, научно-просветительская, развлекательная — где ее место в современной сложной и насыщенной жизни? Вопрос не праздный для тех, кто, возможно, ощутил призвание и намерен сделать ее своей профессией.

Как и общественно-политическая журналистика, значимость которой очевидна («четвертая власть» — это прежде всего о ней!), специальная, по большому счету, имеет ту же цель: нести обществу информацию. Только в своей специальной области, и не всем без разбора, но нуждающимся в ней и стремящимся к ней. Ведь говорят, что в наступившем веке тот, кто владеет информацией, будет владеть миром.

Общество становится более открытым именно благодаря знанию, пониманию, владению информацией. И важнейшая нагрузка в этом деле ложится на СМИ — в огромном потоке происходящего кто-то должен уметь собрать, осмыслить, донести важнейшее. А тут равно значимы и ценностные ориентиры, и аналитическое мастерство, и способность быть убедительным, ярким, то есть профессиональным. Потребность в профессионалах специальной журналистики несомненно растет и, думаю, будет расти и далее. Уже сейчас мы видим появление, наряду с общими, многих специальных изданий. Уже есть не только обильно представленные специальные программы на телевидении, но и специальные каналы — спортивные, музыкальные, художественные. Киноведы в роли киножурналистов ведут не только событийные репортажи с фестивалей, но и просветительские программы типа «кино не для всех».

Музыкальная журналистика в силу особой сложности предмета внимания развивается медленнее других. У нее по определению должны быть особые требования к профессионализму. Но она тоже ищет свой стиль и свой путь к заинтересованной части общества. И совершенно очевидно, что пространство музыкальной журналистики расширяется. Ее звездный час — еще впереди.

Профессор Т.А. Курышева,
художественный
руководитель «Трибуны».

«ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ»: ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На сцене Российского академического молодежного театра танцовщики Камерного балета «Москва» показали премьеру балета Игоря Стравинского «Весна священная» в постановке французского хореографа Режиса Обадия. В этот же вечер было представлено открытие прошлого сезона — балет «Взлом» (идея, костюмы и бутафория нидерландского хореографа Пола Селвина Нортон).

Думали — просто не попадем туда! Билеты от 500 рублей, но, как оказалось, с нашими-то студенческими... мы ещё и не такое можем!

Театр был полон, но не лопнул от желающих посетить столь шумевшее зрелище. Нас даже посадили в первых рядах бельэтажа. В первом отделении был представлен одноактный балет «Взлом», чей солист — Роман Андрейкин — получил премию «Золотая маска-2002» в номинации «Лучший танцовщик». На мой взгляд, постановка эта интересна и современна, а самые точные слова о ней принадлежат постановщику, Полу Нортону: «Это спектакль об аутсайдерах, чужаках... Каждый человек пытается по мере сил изменить окружающий мир ради собственного комфорта. Но в то же время он инструмент и предмет манипуляции, превращающийся в элементы геометрии, наполненные музыкальностью и агрессией. Принцип складывания из бумаги различных фигур — оригами — лежит в основе движений отдельных персонажей балета, в способе их манипулировании друг другом. На сцене создается образ фантастического сада — жестокого, сардонического, но в то же время не исключающего свободу юмора, шутовства, игры. Это смешно, но это также бесконечно трагично. Я, Пол Селвин Нортон, посвящаю этот спектакль всем манипуляторам. Вы знаете — кому!..».

Действительно, на протяжении получаса мы видим, как из общего стилизованного танца хочет вырваться тот или иной герой. Он

непохож на остальных, что-то всё время мешает ему, он каждый раз противоречит общему настрою. На сцене, кроме бесчисленных металлических конструкций, напоминающих рога для удочек, и кубиков с надписями «take it» и «leave it» больше ничего нет. Разве что актеры исторически передвигают по сцене фигурки зверей, сделанных из бумаги.

Танцовщики все время строят и моделируют из своих собратьев какие-то конструкции и замораживают на мгновение, выбиваясь из общей оргии танца. Закрепляя себя на металлических штырях, они предоставляют сцену метущемуся герою. От пластики артистов не отвлекает ничего — ни костюмы, неяркие и лаконичные, ни освещение, очень важный компонент в концепции Нортон. Последнее очень скупое, все действие разворачивается в полумраке. Свет здесь — три большие лампы, повисшие над сценой. Вместе все три источника почти никогда не используются, но чередуются, акцентируя внимание на выбившемся из стаи герое-одиночке, внешне напоминающего «сло-

на», да и по пластике многие движения танцоров напоминают нам недружный хорост этих грузных животных. В качестве музыкального материала автор избирает огромное количество шумовых эффектов, каких-то скрежущих, царапающих звуков; отдельных, не мелодичных по своей природе, но броских интонаций. В балете нет выстроенной музыкальной концепции. Звуковой ряд используется в качестве фона, но фона очень органичного, идеально гармонирующего с движением.

Режис Обадия, культовый хореограф, прославившийся не только сценическими постановками, но и созданием жанра «video-dance». Он создал свой оригинальный стиль, смешивая элементы драмы, хореографии и кинематографа. Правда, «Весна», поставленная специально для артистов Камерного балета «Москва», исключительно танцевальный спектакль, благодаря современной пластике, мощной ритмике Стравинского (фонограмма оркестра Grand opera под управлением Пьера Булеза) и энергетике исполнителей вла-

стно приковывающий к себе внимание. И главная приманка, конечно, музыка, потому что пульсирующий ток жизненной силы, заключенный в этой партитуре, настолько силен, что никто и ничто не может сопротивляться этой силе.

Сценическое пространство предстало холодным и мрачным. Единственной декорацией была огромная голая металлическая стена на черном песке. Она ограничивала этот огромный мир. Но та же стена символизировала знак восхождения и очищения, служила знаком другого измерения и возможности возрождения. Эта стена была амфитеатром, с которого участники наблюдали за ритуальными танцами избранника и избранницы (этот момент напомнил мне античный Рим, когда зрители, затаив дыхание, наблюдали с высоты за турнирами гладиаторов). И цветовая гамма костюмов была подобрана очень точно: легким пурпурно-красным платьям девушек контрастировали черные одеяния мужчин. Эти символические цвета страсти и смерти придавали непрерывно развивающемуся действию динамичность и яркость.

Но мне, честно говоря, не очень понравилось само качество исполнения: многие движения казались не синхронными, иногда танцовщики просто не доде- лывали рисунок, порой ребята танцевали грузно и тяжело. Зато соло избранника и избранницы поражаало красотой, гибкостью пластики, драматичностью. И по эмоциональному накалу игра актеров завораживала, в экстазе девушки сбрасывали с себя яркие платья, их обливали водой, и черный липкий песок покрывал их тела... Вся эта мистерия приобрела черты неоклассического видения. В неистовом танце ее участники стремились освободиться от ограничений реальности, убежать в иной, неизвестный мир. Но стена не пускала...

Ольга Подкопаева,
студентка III курса

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

Известно, что пророчество — вещь неблагодарная, а оценка новых сочинений часто занятие просто опасное. Никто не знает, как повернется «колесо истории». Сколько бывало случаев, когда мнения современников расходились, и об одном и том же произведении можно было услышать — «это гениально» или «это ужасно». А сколько раз оценки современников не совпадали с более поздними взглядами. Например, догадайтесь, о ком могли так писать: «Это черт знает, что такое! Куда же делась музыка!; «спекуляция, оскорбительная

для человечества»; «вы воспринимаете ряд сочетаний звуков, которые производят на вас впечатление бессмыслицы, в которой вы не чувствуете никакой симметрии построения (эту музыку можно начать с любого такта и кончить в любом месте), и в которых вы даже не можете различить тех мотивов, ради сочетания коих автор и строит свою музыку»... Сразу представляется Стравинский, Прокофьев, нововенцы и т.д. Ничего подобного: речь идет о Рихарде Штраусе — композиторе, сейчас воспринимаемом одним из наиболее тради-

ционных и далеких от «бешеного» новаторства. А современники писали, что основная цель искусства Штрауса — создание неприятных ощущений, так как ни одну тему запомнить просто невозможно, и при прослушивании происходит лишь истязание слуха. Интересно, что бы они сказали, послушав сочинения Булеза или Штокхаузена...

К новой музыке часто относятся очень настороженно, с опаской. Так, Танеев скептически восклицал: «Мутные волны текут в музыке. Всякая «равель» пошла теперь...». Или о Вагнере:

«Это каша какая то, а не музыка... Куда же все пойдет, если будет так». Этот вопрос, «куда все пойдет?» — наверное самый сложный, и ответа на него никто заранее дать не может. Однако, как показывает история, эта «каша» как-то сварились, и музыка успешно продолжила свое развитие... Доверимся Игорю Стравинскому: «Мы не можем знать, что будет в будущем. Будущего нет, оно только будет. Та музыка, которая существовала, всегда будет существовать по-прежнему».

Нина Свиридовская,
студентка IV курса

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Около восьми вечера. Рахманиновский зал. На сцене один за другим появляются все новые и новые ударные: матовый диск, слегка вдавленный внутрь; всевозможные молоточки, сложенные из продольных металлических трубок разной длины крыло... Разглядываю программку, стараясь не обращать внимания на нетерпеливо ерзающего в кресле соседа. На вложенном листе авторские комментарии к концерту: Чженьгуан Цзо. «Осенняя луна в Ханьском дворце»...

Несколько строк информативного порядка осознаются мгновенно. Но, прочитав остальное, начинаю искать жадным взглядом полную луну где-то в пределах досягаемости. А вокруг вместо этого лепнина с завитушками, да трубящие херувимы. Сосед перестает существовать, провалившись вместе со своим креслом и остальной шушукующейся публикой в тартарары. Четко очерченное пространство и неумолимо шагающее время не властны над разбуженным парой сказочных строк воображением.

«...Дворец императора в Запретном городе, за высокими стенами которого царят коварные интриги, жестокие убийства и темные заговоры. Здесь томятся прекрасные девушки-наложницы. В день осеннего полнолуния они любят луну и с грустью вспоминают о родном доме. Проходят века, уходят царства и люди, а луна также льет свой свет на землю. Вечна лишь красота...»

Но не стоит, вдохновляясь собственной эрудицией, грезить о далекой империи Хань и ее столице Чанъане, разделенной по традиции на «Внешний город», «Внутренний город» (правительственные кварталы) и «Запретный город», собственно императорский дворец. Не нужно тратить время на всевозможные поиски и подсчеты, чтобы заявить, что-де композитор Цзо имел в виду конкретную династию Хань и ее фамильный императорский дворец. Придуманное композитором название — не что иное, как художественный вымысел, призванный нарисовать в воображении череду образов: окруженный высокими стенами дворец могущественного императора, куда никто не может войти просто так и который невозможно покинуть живым; прекрасные девушки, проживающие жизнь в тоскливой разлуке с семьей и безнадежном ожидании встречи с императором.

Издавна существует в Китае традиция смотреть на луну и вспоминать родных и близких. Прощаясь, влюбленные говорят друг другу — «Гляди на луну!», ведь она — символ нерушимости их чувств и постоянной близости; одна для всех, неизменная, и светит везде, где бы ты ни находился. Каждый месяц отмечают в Китае праздник полнолуния. Но осеннее полнолуние особенное. Считается, что самое ясное небо и самая полная и яркая луна восходит именно осенью. Вот и любят луну с

высоких стен Запретного города прекрасные девушки, различая в ее размытых пятнах очертания родных лиц.

Проходят века, течет река времени, мифический Ханьский дворец меняет хозяев, уже и стены его, и люди, и земля вокруг иные, а луна все льет свой призрачно-холодный свет на землю:

Солнце с луною
опять совершают свой круг,
Мы же уходим,
и нет нам возврата к живым,
Вечна лишь красота...

Тао Юань-Мин (IV в. н.э.)

II

Программка изучена вдоль и поперек. А на сцене битый час возятся с ударными (сколько же их там??). Наконец сцена пустеет. «Осенняя луна...» Гул в зале как рукой сняло. Занимающие места на задних рядах привстают, вытянув шеи. Выпорхнувшая на сцену маленькая девочка-китаянка в белоснежном платье держит в руках гибкий, изысканной формы двухструнный смычковый инструмент — эрху. Смычок на мгновение завис в воздухе... и уверенно коснулся струн. Непривычный, «гнузавый», слегка сипящий звук. Кажется, что девочка укрощает диковинного зверя, который рвется из рук, пробует силы на разной высоте, издавая колеблющиеся в особом, нетемперированном пространстве звуки. Каждый в отдельности полон необыкновенной экспрессии и красоты, но вместе они пока никак не могут сложиться в единую мелодическую мысль. И все же воля маленькой исполнительницы сильнее: непокорный инструмент рождает так причудливую, как и он сам, китайскую мелодию для эрху.

...Остановка на полуслове. Девочка опускает руку со смычком, верный знак того, что можно зашевелиться в кресле и начать аплодировать. Улыбки умиления на лицах. Все слегка рассясь. Хотя стоит ли удивляться? Европейскому слушателю, приученному к столетиями выверенным структурам, классическая музыка Китая, как, впрочем, и других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, может показаться весьма расплывчатой по форме и еще более смутной по содержанию. Чего стоит, например, эффект, производимый на европейца унисонным пением монахов Тибета! Но это неприятие и непонимание — от недостатка восприятия именно этой музыки, от незнания ее законов. И трижды не прав утверждающий, что музыка — интернациональный язык, не требующий перевода и понятный всем. Не исключено, что и умудренный опытом музыковед впадет в панику, доведись ему анализировать нечто вроде пения тибетских монахов. А самозабвенно музицировавшая на сцене девочка, несмотря на юный возраст, вынесла на суд слушателей богатство вековых традиций исполнительства и мудрость тысячелетиями складывавшегося мировоззрения.

Провожаемая оглушительными рукоплесканиями артист-

ка покидает сцену. А ее музыка остается, но уже в другом звуковом воплощении. Скрипка, виолончель, ансамбль ударных. И ощущение звенящего, трепещущего пространства. Пульсирующий звук и его обертоны, стремящиеся ввысь, отражаются в отдаленных уголках космоса...

Автора на сцену!!!

Цзо Чжень-Гуань.

Родился в 1945 году, вырос в Шанхае. В возрасте 16 лет переехал в СССР на постоянное место жительства. Профессиональное образование получил сначала как виолончелист в Новосибирской консерватории, а затем как композитор в ГМПИ им. Гнесиных (класс проф. Г.Литинского).

Завтра же он улетит на гастроли в Китай, а затем на Тайвань. Улетит, оставив на добрую память и долгие размышления свою музыку. «Осенняя луна в Ханьском дворце», и заодно еще кое-что: Соната для виолончели соло, Триптих для трех флейт, Три пьесы для фортепиано...

«У Син» («Пять движущихся начал») — произведение, написанное специально для ансамбля ударных М.Пекарского; его замысел связан с числом пять, имеющим исключительное значение в древней китайской философии. Это пять первоэлементов (земля, металл, дерево, огонь, вода), пять цветов, пять планет, пять музыкальных тонов. Сочинение состоит из пяти разделов, в каждом из которых пять частей по пять тактов в размере 5/4, с квинтолями. В исполнении участвуют пять музыкантов, у каждого по пять инструментов. Все ударные инструменты делятся на пять групп — с определенной высотой звучания, шумовые, металлические, деревянные, с кожаной мембраной. По словам самого Цзо, эта музыка создана под впечатлением звучащей, податливо-живой атмосферы буддийского храма...

Завтра композитор ступит на свою землю, вновь ощутит живительную силу родной культуры. А пока он здесь, в России, в стенах Рахманиновского зала, окруженный коллегами и просто знакомыми. Широкая добродушная улыбка еще более сужает глаза. Он широко улыбается и демонстрирует потрясающее владение русским языком со всеми его родами, падежами и наклонениями, так осложняющими жизнь иностранным гражданам. Лаконичные, естественно построенные фразы, свободно льющаяся речь. И только легкий акцент наталкивает на мысль, что этот язык не родной. Рядом с ним стройная темноволосая девушка, дочь Майя, с которой он тоже общается на русском. С необыкновенной теплотой и трогательной почтительностью разговаривает он с маленькой исполнительницей на эрху, представляя ее собеседникам и подошедшим друзьям. Рукопожатия, поздравления, объятия и радостно-возбужденная речь на незнакомом мягко-певучем языке.

Они давно не виделись, отойдем в сторону.

Марина Лебедь,
студентка III курса

БОЛЬШАЯ ДУША ГИТАРИСТА (советы случайному путнику)

Это может показаться странным, но о концерте, который должен был состояться, посторонний человек мог узнать, разве что ошибившись дверью. Перед случайным посетителем предстала бы кучка непонятных людей, сгруппировавшихся около единственной в Москве афиши: «Дмитрий Илларионов, лауреат международных конкурсов: Вечер классической гитары».

Вы скажете спокойно: «Гитара и гитаристы», и будете правы (ну конечно, вы ведь знали все заранее). Наш же «случайный путник», скорее всего, не разделит бы вашего спокойствия, и я его понимаю. Жизненный опыт подсказывает мне, что волосатые молодые люди в очках и их рыжеволосые подруги произведут глубокое впечатление даже на людей тренированных и много повидавших.

Итак, старый район Москвы, маленькая гостиная дома Нащокина, что в Гагаринском переулке, и Дмитрий Илларионов. Последнего все поздравляли. С победой на еще одном международном конкурсе: Майами, Флорида. США, Guitar Foundation of America (сокращенно GFA). Поздравляли друзья, родственники и коллеги, причем поздравляли от всей души. Другое дело, что у одних душа больше, у других меньше, третьи же вообще заявляют, что души не существует (подразумевая себя, любимых), и нет причины им в этом не доверять.

У меня лично душа большая, я искренне поздравляю Диму, так как знаю, что эта победа заслуженна, а конкурс GFA сейчас является самым престижным в мире. Мы с Димой друзья, вместе учились, и я свидетель его творческого роста. Заявляю прямо: то, что пишут о Диме в газетах — например, «Восточно-сибирская правда» от 14.02.2002: «Д. Илларионов, один из лучших молодых гитаристов России» — истинная правда.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Мерная пульсация ударных и гитары, парящий высокий женский голос, соло саксофона... Так начинается Song of the swift современного английского композитора Джона Харля. Произведение это погружает слушателя в мир, находящийся между классической и джазовой музыкой. Состав исполнителей: саксофон, электрогитара, акустическая гитара, ударные, фортепиано, клавишные, струнный квартет, джаз-банд, вокал (сопрано). Сочинение было написано специально для торжественного закрытия XI конкурса молодых артистов-исполнителей (Танбридж Уэллс, Великобритания, 1998). Сам автор исполнял партию саксофона и клавишных. Диски с записью этого произведения были подарены всем лауреатам конкурса, причем количество дисков было строго регламентировано. Сейчас найти это произведение можно только в студии Abbey Road и у победителей.

В упомянутый вечер Илларионов играл вдохновенно, пламенно, музыка была разной: современной и не очень. Вы слышали, что в этом году исполняется 150 лет со дня рождения великого Франциско Тарреги? Может ваш знакомый (не конкретный, гипотетический) не знает, кто это — тогда напомните ему про «Воспоминание об Альгамбре», «Арабском каприччио» и «Вариациях на тему хоты». Если человек после всего еще морщит лоб и недоуменно пожимает плечами, значит он уникален.

Впрочем, какой прекрасный музыкальный мир этому счастливцу еще предстоит открыть! Берите все в свои руки, узнавайте, когда ближайший концерт Дмитрия Илларионова, в программу которого входит «Венецианский карнавал» Тарреги, и тащите туда своего знакомого хоть силой. Приведете — дальнейшее гарантирую. Гениальная, проникновенная музыка, в сочетании с блестящей техникой и безумно талантливой интерпретацией (даю в скобках наивысшую похвалу: «очень, очень музыкально») — все берет за душу.

ЧЕЛОВЕК!!! ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ!

ЛЮБИТЕЛЬ ЛИ ТЫ СТАРИНЫ! (как приманка, «Мне очень жаль» и «Наш король Альфонсо Добрый» из сюиты испанских танцев XVI века)

ИЛИ ЖЕ ТЕБЯ ПРИВЛЕКАЕТ СОВРЕМЕННОСТЬ (Клод Вивье «Pouf Guitare», обязательная пьеса на конкурсе GFA этого года, а также «Ex Ovo» Душана Богдановича — мне объяснили, что это переводится «Из яйца» и философски трактуется как демиургия из хаоса (кто бы объяснил мне это?))

ХОДИ НА ГИТАРНЫЕ КОНЦЕРТЫ!!! СЛУШАЙ ГИТАРНУЮ МУЗЫКУ!!!!

УВАЖАЙ ДМИТРИЯ ИЛЛАРИОНОВА!!!!!!

Николай Левшенко,
студент III курса

Перевод названия может звучать как «Песня стрижа». Промежуточное положение между «серьезной» и «легкой» музыкой, между «небом» и «землей», достигается и благодаря составу исполнителей. Вокал используется как тембровая краска в инструментальном ансамбле, без какого-либо текста. Само звучание вызывает ощущение полета и устремленности, но устремленности в никуда. Подобно пейзажам, мелькающим за окном мчащегося поезда, они сменяют друг друга настолько быстро, что иногда улавливаешь лишь какую-либо деталь, а, может быть, и не запоминаешь ничего конкретного.

Но в целом впечатление от увиденного остается. Так и эта музыка — подхватывает, уносит в свой мир и удаляется, оставив в памяти не детали, а общую идею.

Елена Потяркина,
студентка III курса